

РАССКАЗ

Перевод Марины Литвиновой

Миссис Витт ненавидела Париж: называла его «это несчастное, унылое место».

— Со мной обязательно случится какое-нибудь несчастье в этом грязном, зловещем городе, — сказала она. — Я чувю заразу в воздухе. Ради Бога, Луиз, уедем в Марокко или еще куда-нибудь.

— Нет, дорогая мамочка. Я сейчас не могу. Рико сделал мне предложение, и я приняла его. Давай лучше подумаем о свадьбе.

— Ну вот! Я же сказала, что этот город приносит несчастье!

И на ее лицо, вокруг острого носа, легла тень сильнейшего новоорлеанского недо-вольства. Но Лу с Рико было уже двадцать четыре года, и они вышли из ее повинове-ния. Впрочем, Лу будет леди Каррингтон. И тем не менее миссис Витт впала в бешеное негодование: лучше бы Лу сбежала с одним из тех огромных страшных охранников в Лес-Холлесе. Миссис Витт была в том воз-расте, когда для женщины свирепое начало в мужчине, ветхий Адам, начинает пере-вешивать все другие социальные достижения. И все же, и все же... неплохо бы видеть дочь «леди Каррингтон» — в аристократизме-то ей не откажешь.

Отпраздновали свадьбу, после чего мис-сис Витт отбыла в Америку. Лу и Рико сняли маленький старинный особнячок в Вестминстере и принялись вживаться в определенный пласт английского обще-ства. Рико стал почти модным портрети-стом. С портретами, пожалуй, еще неиз-вестно, но сам он, похоже, стал почти модным. И Лу стала почти звездой. С ними всегда так, вечно найдется какой-то сучок. Несмотря на завидную внешность, и Рико и Лу так никогда и не влились ни в какой социальный слой. Они ведь были из пла-вучей стаи художников. Но оба не желали принадлежать к ней. Хотели вклиниться, перестать быть «почти».

Потому и купили особнячок в Вестмин-стере, отсюда портреты, обеды, визиты, избранный круг знакомых. Вернулась из Америки миссис Витт и водворилась непо-далеку в тихую, хорошего разряда гости-ницу. Чтобы всегда быть наготове. Ее жут-кие серые глаза глядели с отблеском зло-пыхательства на фарсовую пустоту проис-ходящего. Будто лучше всех все понимали.

Лу и Рико как-то странно действовали друг на друга, доводили до изнеможения, не понимая, в чем дело. Они побили друг

друга. Были связаны необъяснимыми узами. Это была скорее необычная vibra-ция нервов, чем тяготение крови. Нерв-ное притяжение, чем сексуальная любовь. Странное напряжение воли, чем вспышка страсти. Оба оказывали друг на друга нео-бычное властное влияние. Они были пара — им полагалось быть вместе. Однако они скоро отварились друг от друга. При-тяжение по прихоти воли, нервов обре-чено. Один чувствует прилив сил, другой — болен, но стоит силам вернуться, забо-левает первый.

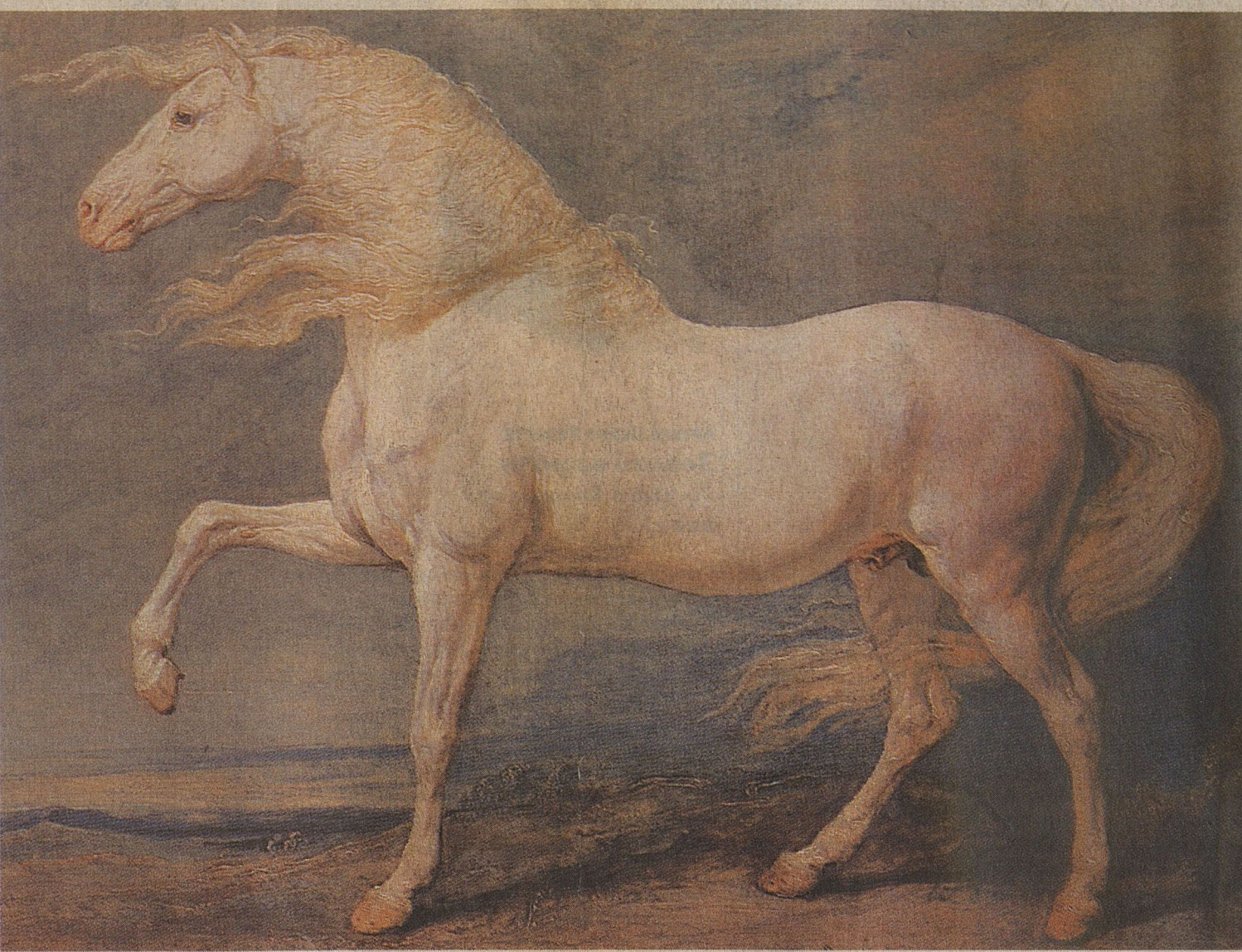
И скоро с молчаливого согласия супру-жество превратилось в дружбу. Они оста-вались супругами, только без секса. С секс разрушал, доводил до изнеможения, и они отказались от него, жили как брат и сестра. И все же это были муж и жена. Отсутствие физической близости было тайным источ-ником неудобства и мучения для обоих. И они оба не мирились с этим. Рико прово-жал других женщин раздумчивым, беспо-койным взглядом.

Миссис Витт следила за происходящим из-за забора, как весельный, хорошо вооруженный демон, полный сверхесте-ственной энергии и убийственного здра-вого смысла. Она не была многоословна, но ее короткие колочные замечания выдавали презрительное отношение к menage.

Рико прилапал в гости умных, хорошо известных личностей. На прием прихо-дила миссис Витт, одетая по американской моде, поблескивая двумя-тремя хорошими бриллиантами. Она была красива со своим пышным серебром волос. Но ее серые глаза, глядящие из-под тяжелых век, могли привести в отчаяние любую хозяйку. Эти глаза видели слишком много убийствен-ных вещей. Было совершенно очевидно, что умные, хорошо известные личности действуют ей на нервы своим жеманством и утонченной спесью. Она жаждала про-ложить путь сквозь эту утонченную спесь. Она постоянно вспоминала дом, где про-шло ее девичество, плантацию, негров, белых хозяев: усмешливую серьезность, противопоставляющую всю ту большую незы-блемую жизнь. И хотела поудобнее устро-иться со своей большой грозной Амери-кой среди безмятежной дискриминации лондонской гостини. Разумеется, ей это не удавалось.

Но, обладая кипучей энергией, она должна была что-то делать. В конце войны она работала медсестрой Американского Красного Креста во Франции. Она любила мужчин, разумеется, настоящих. Но при ближайшем знакомстве с ними она так и не могла понять, что же такое «настоящий» мужчина. Она их никогда не встречала.

Из мирового побоища она вынесла некий странный артефакт в виде американца Дже-ронимо Трухильо. Он был сыном мексик-анца и индианки из племени навахо, жив-ших в штате Аризона. Поблизе его узнав,

Дэвид ГЕРБЕРТ ЛОУРЕНС

Сент-Мор

Только в «Известиях» впервые на русском языке публикуется отрывок из рассказа «Сент-Мор» Дэвида Герберта Лоуренса, создателя самого скандального эротического романа XX века «Любовник леди Чаттерлей». Еще при жизни Лоуренса его романами зачитывались и осуждали их как непристойные. Понадобилось более тридцати лет и судебный процесс (1960 год), чтобы «Любовник леди Чаттерлей», запрещенный сразу после издания, официально увидел свет в консервативной Британии. Рассказ «Сент-Мор» выйдет в третьем томе собрания сочинений Лоуренса (издательство «Вагриус») в январе.

Выехал на верховую тропу, она скачет туда и обратно по этому «каналу регат» среди всадников и всадниц, под деревьями парка. Да, тут скажут на веселых пони преле-стные девушки, распустив по спине белокурые волосы. До невозможности лошесные папы и туго затянутые мамы — у них такой вид, точно сейчас будут разли-вать чай между ушами лошади, они искусно беседуют — один глаз на чайнике, другой на госте, с кем идет разговор, а остальные сто аргусовых глаз хозяйки на каждом участ-нике чаепития. Всеидущая способность английской хозяйки дома изумляет, даже повергает в ужас. При виде их миссис Витт сразу вспоминаются старые негритянские мамы Луизианы. Заметив стриженных, выскобленных, чопорных английских юнцов, глаза ее мечут молнии. А на богатых евреях она просто не желает смотреть.

Тогда легковым автомобилям еще не позволялось ездить в Гайд-парке. Рико и Лу, обогнув Гайд-парк-корнер и выехав на

Парк-лейн, смотрели в тоске душевной на стальную наездницу и ее сумрачного спут-ника. Казалось, что миссис Витт целится из пистолета в грудь каждого всадника и всадницы, объявляя соответственно ультиматумы: «Мужественность или жизнь!», «Жизнь или женственность!». Правда, она и сама не знала, чего ей хотелось бы. Наверное, демократичности Авраама Линкольна, аристократизма русского царя, утончен-ного интеллектуализма Артура Бальфора и отрицательной молчаливости Феникса. И чтобы все было в одном.

Ничего не подлаешь. Лу пришлось купить лошадь и верхом сопровождать миссис Витт приличия ради. Она так похо-дила на блестящий стальной пистолет со взведенным курком, что требовалась кобура в виде Лу.

Лу выглядела преледно: темные волны вьющихся новоорлеанских волос, особен-ные, чуть разные карие глаза, не то сон-ные, не то туманные, и вместе быстрые, как глаза белки. Она была тоненькая, изящная и чуть более свободного нрава, кто-то даже предположил, что она из мира кинематографа.

Тем не менее в колонке светской хроники наутро была такая заметка: «Сегодня в Гайд-парке на аллее верховой езды появились две

новые блестящие всадницы — леди Генри Каррингтон и ее мать миссис Витт...»

Миссис Витт была довольна, что бы она ни говорила. Лу тоже, она была в восторге. Просто купалась в лучах славы.

— Рико, дорогой, тебе необходима лошадь.

Голос был мягкий, по-южному певучий, но в нем звучало бесповоротное решение. Напрасно Рико начал увильвать — у него была эта манера увильвать, отлынивать, воз-можно, он вынес ее из Оксфорда. Напрасно он уверял, что не умеет скакать на лошади и что безразличен к эзде верхом. Он рассер-дился, вздернул квадратный нос, верхняя губа задралась, обнажив зубы, как у собаки, кото-рая готова тянуть. Но не смеет.

В этом был весь Рико. Он не смел тянуть. Не то чтобы он боялся кого-нибудь. Если и боялся, то самого себя. Долго сдержива-емая ярость могла взорваться и разбить вдребезги эту чудную, чудную картинку очаровательной жены, прелестный особ-нячок, завораживающий успех художника, пишущего модные и вместе «великие» портреты: какой колорит, какие краски, а форма, волшебная форма! Он создал эту tableau vivant величайшим трудом. И он не желал взбрыкнуть, подобно вдруг обозлив-шемуся жеребцу — на самом-то деле Рико походил не на собаку, а на коня, который может сбросить седока в любую минуту. А пока он вел себя хорошо, слишком хорошо — затише перед грозой.

— Но, Рико, дорогой, я думала, ты в Австралии много скакал верхом, когда был мальчишкой. Не ты ли мне об этом рассказывал, а?

Это долгое распевное «а-а» действовало на него как заклинание, и он понял, что опять проиграл.

Лу держала свою гнедую кобылу в конюш-ных пазухах их дома в Вестминстере и часто туда забегала. Ее почему-то туда тянуло, какая-то странная ностальгия, и это ее удив-ляло. Она и не подозревала, что ей нравятся лошади, стойла, грумы. Оказалось, что это так. И это восхитило ее. Наверное, воз-никли в памяти картинки детства в Техасе. Как бы то ни было, ее жизнь с Рико в эле-гантном особнячке, все ее нынешние обще-ственные связи стали представляться ей сном, а осязаемой реальностью были эти конюшни в Вестминстере, гнедая кобыла, хозяин конюшен мистер Сейнтсбери и грумы, которых он нанимал. Мистер Сейнтсбери был жокейского вида старик, похожий лицом на старую деву. И он любил произносить титулованные имена.

— Леди Каррингтон! Боже мой! Вы, вижу, опять навесли нас. Не представляю себе, что мы будем делать, если вы нас покинете. Мы осиротеет! — и он улыбнулся, толь-но как старая дева. — Сколько бы небо ни хмурилось, леди Каррингтон, вы всегда принесете с собой луч солнца. Поппи, наде-юсь, в порядке...

Поппи была гнедая кобыла с испуган-ным взглядом и рыжими ногами без еди-ного белого пятнышка, и с ней было все в порядке. Мистер Сейнтсбери растянул в улыбке рот старой девы, обнажив два ряда зубов.

— Идемте, я покажу вам, леди Карринг-тон, моего нового жеребца, его только что привезли издалека от хозяев. На него стоит взглянуть, думаю, что у вас найдется несколько свободных минут.

У леди Каррингтон было слишком много свободных минут. И она пошла следом за бодрым чисто выбритым стариком через двор к отдельно стоящему стойлу.

Мистер Сейнтсбери отпер дверь; в полутьме стойла она увидела красивого каштанового жеребца, чистые гладкие уши торчат на голове, как кинжалы; он красиво развернулся и посмотрел на распахнутую дверь. У него были большие, блестящие черные глаза, в них загорелось острое любопытство и то настороженное, как тугой лук, спокойствие, которое бывает у животных, способных внезапно напасть.

— Он не опасен? — спросила Лу.

— Нет, конечно, миледи! Он не опасен с теми, кто знает, как с ним обращаться. Все хорошо, мой мальчик! Все хорошо, моя прелесть! Успокойся, Сент-Мор!

Говорливый даже с животными, он, тихо ступая, прошел вперед и положил руку на плечо коня, мягко и нежно, как будто села муха. Лу увидела, как по шелковистой коже коня скользнула легкая дрожь насторожен-ного ожидания, как тень от ладони, прибли-жающейся к поверхности ярко-оранжевой жидкости. Но больше никаких признаков раздражения.

— Не опасен с теми, кто знает, как с ним обращаться. Но довольно опасный для тех, кто не знает. Точная характеристика, а, Сент-Мор?

— Как его зовут? — спросила Лу.

Мистер Сейнтсбери повторил имя — с легким валлийским акцентом.

— Конь из Уэллса, его хозяин валлийский джентльмен мистер Гриффит Эдвардс. Он хочет его продать.

— А на нем можно ездить в Гайд-парке?

— Ну, конечно! Если джентльмен знает, как с ним обращаться, красивое будет зрелище.

Лу тут же подумала: да, очень краси-вое, если на этой лошади поскачет Рико. Потому что она уже влюбилась в Сент-Мора. Он был великолепной красновато-золотистой масти, и от него исходил тем-ный, невидимый огонь. Но в его чудных черных глазах пряталась какая-то темная мысль. Что-то говорило ей, что Сент-Мор не очень счастлив, что где-то в глубине его звериного сознания прячется опас-ная полускрытая обида, неясное чувство, враждебности. Она поняла, что он слиш-ком чувствителен и обидчив и, несмотря на здоровую горячую мошью, нервы у него могут сдать. А тогда жди беды.

— Он может выкинуть какую-нибудь шутку? — осторожно спросила Лу.

— Насколько мне известно, нет, миледи. Не то чтобы выкинуть... но он, как гово-рится, животное темпераментное. Хотя, надо сказать, у каждой лошади темпера-мент — только поближе ее к себе. Но этот жеребец особое дело: похоже, у него есть болевая точка. Коснитесь ее, и я за него не ручаюсь.

— А где эта болевая точка? — спросила Лу со всевозрастающим интересом.

— Ну, это трудно сказать, миледи. Будь он человек, я бы решил, что у него в жизни что-то когда-то произошло. Но у лошадей это не так, совсем не так. Пороditное живот-ное, как Сент-Мор, требует понимания. И, думаю, никто еще не постиг его сущности. Признаюсь, даже и я. Но мне ясно одно: это совсем особенное животное, и оно нуждается в особом подходе. Мне бы очень хотелось, чтобы подход нашелся, знать бы только, что он собой представляет.

Лу смотрела на пылающую темным золотом кожу коня, прижатые уши; голова повернута и всегда начеку, словно молни-еотвод. Сент-Мор был жеребец. Когда она поняла это, опасение усилилось.

— Почему мистер Гриффин Эдвардс хочет продать его? — спросила она.

— А потому, миледи, что хозяин было решил сделать его производителем. А он заупрямился. Такое с жеребцами быва-ет. Не нравятся им кобылы — и все тут. Так и лопнул у хозяина план стать конноза-водчиком. А вы видите, какой это краси-вый сильный жеребец, безупречных ста-тей, сила через край бьет. Глупо засунуть его в оглобли. Он этого не вынесет. Это прекрасный верховой конь. Он будет так хорош с всадником в седле. Надо только знать, как с ним обращаться. Тут уж ничего не поделаешь.

Лу чувствовала, что мистер Сейнтсбери что-то недоговаривает.

— А срывы у него были? — спросила она с опаской.

— Срывы? Да... должен признаться... было два несчастных случая. Сын мистера Гриф-фита Эдвардса скакал на нем во весь опор у себя в валлийском лесу. И разможил себе голову о нижнюю ветку дуба. Это было той осенью. А еще раньше он швырнул грума о стенку стойла и зашиб его до смерти. Но это, миледи, несчастные случаи. Такое быва-ет.